

работа - сбить самолет, который гудел в лучах прожекторов, и целился сбросить свой смертоносный груз на батарею, либо на иной объект в глубине обороны. Немецкие бомбардировщики и истребители рассекали густое темное небо под Вильнюсом обычно в предутренние часы. Тревожный вой сирены в мгновение ока поднимал состав батареи на ноги. Столбы света прожекторов металась в небе, отыскивая самолеты со свастикой, и, вцепившись в крылатого стервятника, уже не выпускали из цепкой хватки желтоватого огня.

— Батарея, к бою! - взвился над землей голос командира.

И батарея торопливо изрыгала из жерл зенитных пушек смертоносные послания. В небе, раскрашенном лучами прожекторов, хлопали разрывы снарядов.

— Натка, неси снаряды, - сквозь шум боя слышалось то от одного расчета, то от другого. И Натка, невысокая, шустрая девчонка, бежала за очередным ящиком с боеприпасами.

Скоро девичий расчет мог различать еще на подходе, какие самолеты в небе. Отрывистый лай «юнкерсов», зловещий вой «рамы», свистящий звук «мессеров», и в связи с этим рассчитывали упреждение и высоту разрыва заряда.

— Что ни ночь, то леденящий душу вой сирены заставлял пружиной вскакивать с ложа и бежать к боевому расчету, - вспоминает Наталья Андреевна. — И днем тоже не было покоя. 42-й год был тяжелым, немцы главенствовали в небе, армадами шли на нас. И наши зенитные батареи их нервировали сильно. Озлобившись, обрушивали на батарею всю свою штурмовую мощь. И тогда земля и небо изрыгали друг в друга огонь и смерть. Расчеты в этой коловерти несли потери, за своих подруг мстили зенитчицы, сбивая стервятников с крестами на крыльях. И радовались когда вражеская машина, оставляя за собой дымный след, с пронзительным воем неслась к земле.

В Латвии бился с врагом отец Натальи Андреевны, Андрей Иванович Трясоумов. Совсем рядом, но во время боев не было никакой возможности не только связаться, но и узнать что-то друг о друге: не всегда удавалось в окопе поспать, ни единой минуты покоя.

Отцу было уже 45 лет, когда его в первые же дни войны призвали на фронт. Определили бойца в обоз, подвозить к передовой боеприпасы. Эти боевые артерии питали передовые части самым необходимым: снарядами, патронами и едой. Редкий немецкий летчик не соблазнялся возможностью поохотиться за нужным для фронта грузом. Особенно ценен был гужевой транспорт там, где не проехать машинам. На обоз была вся надежда бойцов. И подводы с тяжелой поклажей прорывались сквозь дым и пламень разрывов и свист пуль туда, где шел смертельный бой. Нередко повозка от попадания осколка, пули или снаряда взлетала в воздух, унося в небо и души бойцов. Андрею Ивановичу повезло – вернулся к своей жене, Екатерине Васильевне, живым и невредимым. Вслед за дочерью появился он на пороге родного дома 23 июля 1945 года.

Не обошла стороной война и младшую сестру Марию. Мобилизовали ее на рытье окопов.

— Наверное, там она и подорвала свое здоровье, - горестно качая головой, говорит Наталья Андреевна. – Холод и сырость, голод и тяжелый труд обрекли ее на бездетность. Да и я, помотавшись три с лишним года по фронтовым дорогам и сырым землянкам, так и не обрела радость материнства.

Андрей Иванович ворчал по этому поводу:

— Всю мою будущую надежду вы зарубили, девки, душа моя на самом дне человеческого отчаяния от этого.

— Муж-то мой, Федор Степанович Мартынов, царство ему небесное, тоже очень жалел об этом. Но ничего не поделаешь, судьба, видно, такая, - сдавленным от волнения голосом, глядя в пол, продолжала доставать из тайников памяти пережитое Наталья Андреевна. - Вот и живу одна, и муж ушел в мир иной, и сестра умерла в 2011 году, так и не выйдя замуж. Мужиков - то выкосила война изрядно. Только единицы вернулись с фронта, и то половина изранены до невозможности. За кого выйдешь? А какие боевые хлопцы были. Братья Козловы, Маслов Митька, Гринька Дергунов. Лежат они в сырой далекой не родной стороне.

После войны Наталья Андреевна работала начальником отделения связи, бухгалтером в совхозе «Атемарский», затем на птицефабрике «Атемарская».

Тяжелые воспоминания вскружили сердце, и горечь наводнила душу. Девяностопятилетняя старушка замолчала, опустив седую голову. А я больше не решился беречь уставшую память, вместившую невыносимую тяжесть огненных лет и передраги мирной жизни.

НИКОЛАЙ СКОБЛИКОВ